

Для цитирования: Шалагина Г. Э.
Внеинституциональная гуманистика,
философская практика, информальное
образование: контуры образовательной
креативной индустрии // Социум и власть. 2021. № 1 (87). С. 116—126.
DOI 10.22394/1996-0522-2021-1-116-126.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-1-116-126

УДК 001.3, 001.92, 101.3, 316.74

ВНЕИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ГУМАНИСТИКА, ФИЛОСОФСКАЯ ПРАКТИКА, ИНФОРМАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: КОНТУРЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ КРЕАТИВНОЙ ИНДУСТРИИ

Шалагина Гульнара Эдуардовна,
Казанский национальный исследовательский
технологический университет,
доцент кафедры философии и истории науки,
кандидат философских наук, доцент
Российская Федерация, 420015,
г. Казань, ул. Карла Маркса, д. 68.
E-mail: galanova@rambler.ru

Аннотация

Введение. Внеинституциональная гуманистика, философская практика, информальное образование — это «семейное подобие» явлений, находящихся за пределами социального института науки и образования и примыкающих к социокультурной деятельности и социальной работе.

Цель. Цель статьи — наметить контуры формирующейся в обществе постмодерна информальной образовательной креативной индустрии, которая объединяет внеинституциональную гуманистику, философскую практику, информальное образование.

Методы. Используются методы автобиографической рефлексии, сравнительного анализа, метод эмпирического наблюдения и анализа первоисточников внеинституциональной гуманистики.

Научная новизна исследования. Переход к нематериальному труду эпохи постмодерна — причина актуальности исследуемой области. Усиление запроса современника на темы смысла жизни, счастья, рост прекариата, вытеснение философии из формального образования составляют новую социальную реальность, определяющую новизну исследования информальной образовательной креативной индустрии.

Результаты. Произведена классификация внеинституциональной гуманистики по сферам ее существования и стратегиям субъектогенеза, представленным в учениях. Концепция дедифференциации рассмотрена в качестве объяснения исследуемой области в постмодерне. Рассмотрена специфика философского подхода в работе философа-практика.

Выводы. Перспективы информальной образовательной креативной индустрии автор связывает с институционализацией в качестве досуга, развлечения, иных персональных услуг. Сделаны выводы о различиях формального и информального образования, обозначены риски и возможности развития информального философского сектора.

Ключевые понятия:

внеинституциональная гуманистика,
философская практика,
информальное образование,
информальная образовательная креативная индустрия,
дедифференциация,
постмодерн.

Введение

Как известно, любая теория — это автобиография. Интерес автора к заявленной в статье тематике начался после введения ЕГЭ в России и усилился в связи с кризисом образования в ответ на реформы Болонского процесса [4]. Отток абитуриентов из высшего образования в среднее профессиональное образование актуализировал вопрос о том, как преподавать философию тем, кто не так восприимчив к академической программе. «Философия детям», то есть философия тем, кого до поры до времени надо бы оставить свободными от всякой философии, виделась перспективой. Однако в «философии детям» речь идет о поисках философами новых «рынков сбыта» своего «интеллектуального товара». По компьютерной, информационной аналогии, философские знания — это софт, который для своей установки предъявляет определенные требования к устройству, на которое будет загружено: это жизненный опыт, уровень культуры, уровень интеллекта получателя философских знаний. Сейчас это направление («философия Иным, Другим», будь то дети, хулиганы, заключенные) скорее интересно в плане привлечения ресурса Иных в философию, например, полезно перенимать у детей их методологию мышления. Стоит ли распространять философские знания за пределы его исконного «ареала» (интеллектуальной среды взрослых мужчин и женщин) — вопрос открыт. Скорее проявления инаковости (культурную и классовую принадлежность, возраст, состояние ментального аппарата, девиации и т. п.) стоит включать в понятие «жизненный опыт» и изучать/практиковать в качестве иных версий философии. Другое направление поиска альтернатив в условиях кризиса образования — изучение внеинституциональных явлений в гуманистике, которые находятся принципиально за границей сферы формального образования. Это направление актуально в связи с усилением в условиях транзитного постмодерна влияния неформальных явлений и институтов на социум [9; 16]; в связи с определением самого статуса сегодняшнего транзитного социума (является ли наше постмодерное время переходным в рамках одной цивилизации, или мы наблюдаем/переживаем межцивилизационное состояние и даже разлом [17], свидетельством чему является, в том числе, реинституционализация гуманитарного знания); в связи с возможными вариантами экзистенциального ответа современника на

вызовы времени, одним из которых является сохранение ценности картезианской субъектности [12—14]; в связи с увеличением доли досуга и внепрофессиональной активности в образе жизни современника и реакцией формального образования на это обстоятельство [10]. Изучение внеинституциональной гуманистики является дополнением к теории транзитного постмодерна и открывает перспективы деятельности гуманитария за пределами образовательной институции.

Тенденции деинституционализации гуманитарного знания в системе формального образования остались и сейчас. Бюрократизация, коммерческий диктат подушного финансирования, другие тенденции развиваются в провинциях в более острой и необратимой форме, чем в столицах, где причиной реорганизации институции сегодня становятся в том числе и политические ориентации гуманитариев. Сложные внешние обстоятельства накаляют внутреннюю морально-психологическую среду учреждений образования, представители которых и так, из-за особенности профессии ученого, склонны больше к состязательности, нежели к единомыслию. *Приходится размышлять о текущих объективных тенденциях в гуманистике, чтобы определиться, хотим ли мы, и если да, то в каком качестве и какой мере хотим в них участвовать.*

Внеинституциональная гуманистика, философская практика, информальное образование: определение понятий и первая классификация

«Внеинституциональная гуманистика» — под этим термином я понимаю производство и трансляцию гуманитарного знания за пределами института науки и образования [4]. «Философская практика» — направление, которое ведет свою историю с 80-х — 90-х годов XX столетия, а возможно и раньше, с 60-х годов или даже с 20-х годов этого же века [3, с. 124—125]. Философская практика — это не только работа на стыке академической философии и психологического консультирования или новое направление в образовании, это деятельность философа за пределами академической сферы, консультирование корпораций и частных лиц, разрешение проблем с помощью философии в организациях и различных отраслях народного хозяйства. В поле частного клиентского интереса к философской практике сегодня три сектора: 1. Эстетические знания,

развитие культурной компетентности, вкуса. 2. Смыслжизненный запрос на этику. 3. Деловой запрос на логику и риторику. Различие философской практики и внеинституциональной гуманистики состоит в том, что первая носит прикладной и процессуальный характер, нацелена на развитие навыков *мышления*, а вторая ориентирована на выработку новых гуманитарных *знаний*. «Информальное образование» — образование, осуществляемое в повседневности, связано с проведением досуга, не структурировано в плане целей, продолжительности, помощи в обучении [5, с. 25—26]; скорее трансляция, нежели производство знания. Все эти части единой области составляют «семейное подобие» (Л. Витгенштейн) явлений, объединенных своим существованием за пределами науки и образования, они представляют внеинституциональный или неформальный знаковый сектор. Одновременно указанные явления примыкают к таким традиционным областям, как социокультурная деятельность (работа кружков, клубов) и социальная работа.

Классификацию внеинституциональной гуманистики по сферам ее существования составляют следующие сегменты:

1. Надинституциональные профессиональные общественные организации как база формирования «невидимого колледжа» за пределами существующих между конкурирующими вузами корпоративных заслонок и перегородок.
2. Коммуникативное пространство Интернет, важное для явлений, которые не имеют институциональных и физических резиденций.
3. Публичное коммуникативное пространство: кафе, свободные пространства «антикафе», территории лофтов и коворкингов, где развиваются спонтанные проекты, принципиально находящиеся за пределами института образования со столь востребованными у потребителей «образовательной услуги» сертификатами, свидетельствами, дипломами. Сегодня наряду с академической гуманистикой вузов есть множество альтернативных форм производства и трансляции знания: гуманитарные школы, бизнес-тренинги, студии саморазвития, консультационные центры, философские клубы, этические ретриты, рациональные додзё и т. п. явлениях на стыке практической философии, новой религиозно-

сти и психологического консультирования¹. Предпосылка становления этих активностей — архитектура повторного использования заброшенных фабрик и цехов индустриальной поры. Стиль «лофт», возникновение «третьих мест» (не работа, не дом) — важный градостроительный тренд постмодерна. Показательно, когда в Москве было приостановлено этажное строительство в центре города, увеличился спрос на редевелопмент фабрик, доков на воде, складов. Стали возникать не только «апартаменты», но и «площадки», «территории», ставшие пристанищем в том числе и внеинституциональной гуманистики².

4. Приватное коммуникативное пространство для мероприятий по принципу музыкальных «квартирников». Аналоги эпохи Просвещения, например, салон писательницы Элизабет Монтегю, участнику которого, Бенджамину Стиллингфлиту интеллектуалки обязаны прозвищем «синий чулок», салоны Катрин де Вивон, маркизы де Рамбуи, Поля Анри Тири Гольбаха и многих других. В эпоху Просвещения схоластические университеты были формальным, институциональным, образовательным каналом гумани-

¹ В качестве примеров обратили на себя внимание такие успешные проекты, как Школа великих книг (проект Василия Якеменко работает примерно с 2013 г. в Москве и еще в 12 городах РФ); «Бизнес-Молодость» с участием М. Дашкиева; «Новый Акрополь»; кафе «Bilingua» (2003—2013 гг.); классическим неформальным образовательным проектом является «Философия» (г. Санкт-Петербург); клуб «Кочерга». Клуб прикладной рациональности (Центр рациональности) «Кочерга», организован программистом и философом на основе подхода Э. Юдковского («Рациональность от ИИ до зомби», популярный вариант «Гарри Поттер и методы рационального мышления»). Помимо рационального додзё и клуба «Less Wrong» еще одно направление клуба — «Уличная эпистемология», основанная на практике Э. Магнабоско и книге П. Богосьяна «Евангелие от атеиста», 2015 («A Manual for Creating Atheists»). Есть и авторское направление работы философа — основательницы «Кочерги» — онтологика, которая ведет начало от онтики, онтометодологии и онтологики С. Лесьневского и Е. Пезановского. Коворкинг по принципу антикафе в «Кочерге» — это сопутствующий бизнес, удобный для репетиторства. Примеры подобных проектов можно продолжить.

² Сегодня в каждом городе есть места, напоминающие московские «Гараж» с его лекториями, «Винзавод» и «Философский клуб на Винзаводе», «Телеграф», «Артплэй», «Флакон» и т. п.

стики, а салоны — внеинституциональным¹.

Исследуемая область находится в становлении и вызывает множество вопросов. Станет ли следующим шагом реинституционализация гуманистики, принципиальная перелицовка социальной инсталляции социогуманитарного знания, которая закрепила бы обозначенные тенденции? Каковы тенденции реинституционализации гуманитарного знания за рубежом, где социальные процессы происходят всегда раньше? Существуют ли, по аналогии с любительским театром, который силен на родине Шекспира, любительские формы философии, например, на видеохостингах? Возможно, реинституционализация гуманистики — это часть единого процесса, в который вовлечены и другие общественные институты поздней, «растекающейся» модернизи? У «семейного подобия» явлений за институциональной границей науки и образования в постмодерной культуре нашлось и объяснение (в следующем разделе будет сказано о социокультурной дедифференциации) и нашлась функция, общественная необходимость (далее будет сказано о новой роли внеинституциональной гуманистики, философской практики, информального образования в информационной экономике общества постмодерна).

Социокультурная дедифференциация как характеристика постмодерна

Объяснением явлений исследуемой области стал концепт дедифференциации (С.Лэш), означающий стирание граней между когда-то устойчивыми институтами и сферами общественного сознания, такими как эстетика, мораль, религия, наука [11]. Постмодерная дедифференциация — процесс, обратный дифференциации на основные сферы культуры модерна, когда Макиавелли отрефлексировал различия политической, этической и религиозной областей смысла, а И. Кант — автономию «чистого», «практического» разума и эстетической «способности суждения». В ходе дедифференциации возникают гибридные научно-популярные образовательно-развлекательные формы (edutainment), визуальная социология и антропология, философские фестивали, эстетико-политические явления акционизма и т. п.²

¹ Пример современных квартирников — проект «Курилка Гуттенберга».

² В качестве примеров можно привести интеллектуальное караоке или вечеринки «Печа Куча», эстетизированные проекты в науке, такие как Бал

О чем-то подобном социокультурной дедифференциации в обществе постмодерна пишет Ф. Джеймисон: если в эпоху модерн экономика, политика и искусство — это разные сферы, то в эпоху постмодерна эти сферы перемешиваются, исчезает дистанция между ними. Культура и экономика стали неразделимы, культурное теперь тождественно политическому [8, с. 92].

Актуальность исследуемой области в обществе постмодерна

Актуальность внеинституциональной гуманистики, философской практики, информального образования сегодня связана с усилением смыслового запроса современника, ориентацией на поиск счастья. Запрос на духовность исходит сегодня из делового мира. В постиндустриальной (высоко модернизированной) экономике *сознание и морально-психологическое состояние человека становятся производительной силой* [21, с. 278]. Какая бы то ни было рабочая деятельность при преобладании «нематериального труда» в эпоху постматериализма предполагает креативность. А творить, в виду природы творчества, могут исключительно свободные и счастливые. В связи с этим экономисты и политики анализируют этический статус человека, счастье, предлагают измерять уровень благосостояния общества не в ВВП, а при помощи индекса «общего благополучия» (Д. Кэмерон, 2006 г.). В постиндустриальной экономике положение дел таково, что продукты рабочей деятельности обусловлены морально-психологическим капиталом человека; культура определяет базис; духовность, как бы мы ее не понимали, как продукт мозга или субъектно-идеальное начало, выступает драгоценным рабочим ресурсом, в формировании которого человек беспрецедентно заинтересован. Это сообщает внеинституциональным гуманитарным явлениям и философской практике повышенную общественную важность. Р. Флорида увидел переворот в «захвате» трудящимися средств производства, но не по сценарию К. Маркса, с захватом материальной собственности. «Сейчас люди в большей мере, чем когда-либо, контролируют средства производства, потому что психоаналитиков в Вене, философский фестиваль в Кёльне (Ричард Дэвид Прехт), конкурс «Станцуй свою диссертацию» (проводится с 2007 г.), арт-группы «Война», «Фемен», печально известная панк-рок-группы «Pussy Riote», движения «Партизанинг», и т. п. явления.

последние находятся у них в голове...» [20, с. 52]. Нечто подобное находим и У. Бека: «Теперь уже не бытие определяет сознание, а сознание определяет бытие» [2, с. 26]. Для сотрудников бюджетной сферы, salariата важно следование организационной, корпоративной культуре. Сказанное выше о морально-психологическом состоянии творца свойственно предпринимателям, фрилансерам, представителям творческих профессий, самозанятым, тем, кто, не имея гарантий занятости, составляют «систему Д» (от фр. *se débrouiller* — «выпутаться, выйти из затруднения без посторонней помощи») [16, с. 95 — 96], прекариату, тем, чье процветание зависит от персональной харизмы. Ввиду вышесказанного сегодня процветает индустрия саморазвития человека, которую в критическом ключе называют «духовкой». Действительно, в неформальном знанием секторе встречаются и сомнительные явления, когда превратно понятая философия классика становится поводом легитимации девиантных практик, а под видом психотренинга формируется НРД.

Дедифференциация смыслового нарратива с центральной ролью этики

Усилившийся в постмодерне смысло-жизненный запрос современника является центральным в трех душевспомогающих дискурсах — этике, религии и психологии. Можно рассмотреть смысло-жизненное стратегирование современника с позиций конкуренции этих дискурсов за человека, ставить вопрос о специфике и границах каждого из них, быть «пограничником» и ловить нарушителей, выходящих за рамки своего поля и колонизирующих соседнее. Подход с позиций дедифференциации иной и связан с происходящей растушевкой границ трех дискурсов. Сегодня сложился мировоззренческий микс этического, психотехнического и религиозного содержания с ведущей ролью этики; после кризиса «больших нарративов» модерна формируется новый смысло-жизненный нарратив. Точка сборки здесь — практическая философия (этика), которая центрирует телесные, медицинские, духовные, новорелигиозные, спонтанно-образовательные, художественные практики.

Что касается границы этики и религии, сегодня направления духовных поисков в РФ двойственны: секуляризм ли это, постсекуляризм, постатеизм, десекуляризация, религиозное возрождение или неоконфессинализация? В религиозности уже нет былой

аутентичности, распространено верование «по традиции», «личное понимание веры», восприятие религии на уровне этоса, а не в качестве объекта сакрализации [21, с. 281]. Данные социологических опросов обнаруживают несоответствие религиозного сознания и поведения. Так, определив себя в качестве «православного» либо «мусульманина», в следующей таблице «распределение православных и мусульман по признаку веры в Бога» значительная часть участников опроса тихо разбредается по категориям «верю скорее в высшие силы, чем в Бога», «колеблюсь между верой и неверием», «не верю в Бога» и т. п. [7, с. 58—59]. С позиций институциональной определенности необходимо было бы делать предметом обсуждения уровень конфессиональной грамотности респондентов, как основы их позиционирования в опросах, говорить о качестве школьных курсов по основам религиоведения, и социологи задают такими вопросами [6; 18].

Что касается границы психологии и философской этики, в настоящее время обнаруживается миграция психологических подходов в этику; иногда психолог принимается решать смысло-жизненные задачи клиента (М. Литвак, «разумный путь» А. Свияша). Философская этика утратила былой авторитет и приобрела репутацию чуждого реальной жизни учения, несмотря на то, что у основоположника этики Аристотеля, практическая философия понималась как учение об осуществимом, а не идеальном благе. Психология в свое время переняла авторитет у философской этики благодаря «научности» своего предмета и метода, но сегодня при многообразии подходов изначальная научная строгость экспериментальной психологии размылась. Появляются православная, католическая (христианская), мусульманская психологии. От былой строгости психология сохранила только свою властную позицию в качестве медицины. Так в Великобритании после кризиса 2008 г. правительство через центры занятости направляло безработных в лечебные учреждения на когнитивно-поведенческую психотерапию для «лечения» последствий безработицы [18, с. 225, 251]. Напротив, философские учения мигрируют в психологию, прибегая к телесным практикам, медитациям, дыхательным упражнениям. Сегодня даже фитнес-тренеры совмещают занятия физкультурой со смысло-жизненным ориентированием, сформировав расхожее выражение «прокачать навык осознанности» (движение майндфулнес, «светская медитация», эмбодимент фасилитация).

При всей размытости границ, есть профессиональная специфика философской практики в подходе к смысложизненному стратегированию и ориентированию, в сравнении с психологией и религией. Философская практика опирается на этику (практическую философию), которая предлагает общую методологию жизни и постулаты, здесь предполагается дистанция консультанта и клиента, возможность добровольного осознанного выбора клиентом вариантов, поэтому желательно, чтобы философ-практик сообщал клиенту о том, какая философская парадигма ему ближе, ведь истина марксисту мыслится иначе, чем феноменологу. Возможно применение разных подходов в конкретной ситуации: если человек деморализован, ему нужна «прививка» субъективного идеализма, а не материализм; если ему инкапсулирована неолиберальная идеология исключительно персональной вины за происходящее в жизни, нужен достоверный социальный анализ реальности, то есть марксистский подход. Если у человека мозаичная картина мира, то его хорошо «приводить в норму» панлогизмом, догматизм, напротив, хорошо корректируется онтологическим плюрализмом. При этом актуален социальный идеал *бытия субъектом*, как бы этот ценностный спектр ни девальвировали последователи постмодернистских идей о «смерти субъекта». Практическая философия предполагает равную ответственность консультанта и перед отдельным человеком и перед человечеством при фактическом совпадении норм профессиональной и общечеловеческой этики, трактовку клиента как осознанного, думающего существа, обладающего экзистенциальными запросами. Философия — это прежде всего *профилактика* экзистенциальных рисков¹. В психологии более важен индивидуальный подход к клиенту. Здесь хороша естественно-научная ориентация на телесность и «организменность», сродни медицине, даже при отсутствии права назначения медикаментов, рассмотрение клиента как временно ослабленного, страдающего, поэтому временно не равноправного партнера в коммуникации, отсюда особая этика психолога, повышенная ответственностью за клиента («не навреди»). Психолог, психотерапевт имеет дело с более кризисным и болезненным состоянием человека, пренебрегавшего профилактическими ресурсами

¹ Приведу свой афоризм: «Детям делают прививки от кори и всякой хвори; а философия — это прививка от дури. Делается по наступлению совершеннолетия в целях профилактики жизненных неудач».

философии. Религиозность предполагает сакрализацию и свещенность определенных смысловых единиц дискурса (Бога, способа устройства миропорядка, способов коммуникации индивида с миропорядком, как происходит в «религиях без бога»).

Социализация и разидентификация: две стратегии субъектогенеза в классификации внеинституциональных учений

Многообразии конкретных учений внеинституциональной гуманистики можно классифицировать на два вида также и в зависимости от того, на какую персональную стратегию самостроительства, субъектогенеза делается «ставка»:

1. Социализирующая стратегия «личностного роста», стратегия нарастить «социальные мускулы», приобрести навыки и компетенции. Этот тип учений удачно институционализируется «под флагом» психологии и в формате тренинга, в виде сжатой, рассчитанной на быстрый, непосредственно видимый результат формы получения нового знания. Не каждый запишется на длинный и вдумчивый курс по философии.
2. Стратегия разидентификации (деидентификации), в ее основе — путь к себе посредством редукции социального, через снятие социальных слоев личности. Понятие разидентификации обычно упоминается в негативном ключе, в связи с такими явлениями как кризис пожилого возраста, бродяжничество, дауншифтинг. В статье понятие используется как нейтральный термин. Стратегия самостроительства через разидентификацию работает в случае культурного номадизма, лиминальности, кризисов перехода, виртуальной расщепленности интернакта². Увлечение

² Несколько примеров стратегии разидентификации. В холистической психологии А. Пинта — это элиминация «Я» в духе буддийской категории анатман. (См.: Пинт А. А. «Из гусеницы — в бабочку» или Путь к себе. Ростов н/Д. : Феникс, 2008. С. 26—27, 33). В Симороне — отказ от стереотипов. Методика «Впереди паровоза (самообгон)» учит мечтать, проиграть в мечтах цель, процесс и результат ее достижения с целью «отработать» желание-вожделение. После того как вожделение цели «перегорает», человек начинает без вредного потенциала желания рассуждать, надо ли стремиться к цели, различать цель и то, для чего она, а также вырастает из проблем жизни и «вспо-

разидентифицирующими практиками может привести к эскапизму, мироотрицанию и крайнему индивидуализму. Но в условиях перманентных социальных изменений, характерных для «растекающейся модернити» и постмодерна, разидентифицирующее направление субъектогенеза актуально. Уже отмечалось сходство разидентифицирующей стратегией субъектогенеза с тем, что в философии постмодернизма связано с поисками ресурсов бессубъектности [21, с. 281]. Идеи «смерти» картезианского субъекта (М. Фуко), трактовка субъекции как подчинения (subject — подвергать, подчинять, англ.), представление бытия субъектом как навязанного социумом существования в качестве социализированного индивида, а не в качестве желательного социального качества угадывалась и в концепции интерпелляции Л. Альтюссера, когда философ призы-

минает» свое дочеловеческое Я (душу), начинает дистанцировать «себя» и свое наличное бытие в опыте здесь и сейчас. На это же направлена методика «Симпатыга», практика для людей без рациональной культуры и философского мышления. Задача: нарисовать узор, который якобы отражает новое, очищенное после самообгона подсознание и, если увидел (почувствовал) черты рисунка в каком-то предмете — идти за этим знаком. Результат — устранение утилитарной цели, намерения и планирования, следование самому ходу жизни, когда не человек определяет жизнь, а жизнь сама его ведет. Результатом практики должно стать раскрепощение подсознания, полное «перепрограммирование» себя, тотальная разидентификация, культивирование пустоты в душе, отсутствия предубеждений, установок, ценностей, когда человек «забывает» кто он, и с забвением своей идентичности «забывает» и все неподлинное, привнесенное обществом. В Трансерфинге (учение В. Зеланда появилось в 2003 — 2004 гг.) — поиск внутреннего Смотрителя в противовес традиционному европейскому «сознанию». Социальные институты, в числе которых политика, религия и т. п. согласно В. Зеланду — «маятники» (энергоинформационные центры притяжения энергии своих последователей). В Зеланд рекомендует обходить вред маятников путем гашения (отказ от стереотипного поведения, выбор третьего из двух зол), провала (уклонение от маятника без борьбы), «сдачи себя в аренду» (следование требованиям маятника по необходимости и по установленной форме, без личного нравственного участия, либо дозировка его воздействия, осознанный, исходя из общественного интереса, вклад в него посредством причастности партии, церкви, благотворительности, профсоюзу). Указанные направления также вдохновляют сегодня организацию соответствующих школ, клубов, центров и т. п. внеинституциональных явлений.

вает не откликаться на оклик Власти [1, с. 92—111]. Однако разидентифицирующий сценарий субъектогенеза мобилизует антропологические ресурсы, растроченные в инновационистских практиках. Субъектность в постмодерне может быть переосмыслена как искомая, желанная и даже элитарная социальная позиция владельца и «предпринимателя» своей жизни, рачительного собственника духовного ресурса. Выбором двух представленных выше стратегий самостроительства индивид реагирует на ситуацию социальной и этической транзитности, характерной для постмодерного мира.

Перспективы исследуемой области: контуры неформальной образовательной креативной индустрии

Перспективы внеинституциональной гуманистики, философской практики, неформального образования связаны с институционализацией в виде досуга, развлечения и особой неформальной образовательной креативной индустрии. Неформальные проекты зачастую сознательно дистанцируются от традиционного формального образования и могут быть не заинтересованы в лицензировании в качестве «образования», скорее это «иные персональные услуги» и опция «прочее» по ОКВЭД¹. Разидентификация — это не только постмодерная стратегия субъектогенеза, но и стратегия формирования внеинституционального неформального знания сектора. Создателей и участников проектов привлекает рукопожатность, а не в формальном диплом, энтузиазм и любительство (amateur), а не проектирование учебных планов. Вызовом неформальному образованию является постоянная приостановка учебного процесса на начальной стадии: всегда приходят новые участники, и для них нужно повторить содержание предыдущих сессий, что затрудняет продвижение вперед и ставит под

¹ Например, «Деятельность по предоставлению прочих вспомогательных услуг для бизнеса, не включенная в другие группировки» (82.9), «Образование дополнительное детей и взрослых прочее, не включенное в другие группировки» (85.41.9), «Деятельность по дополнительному профессиональному образованию прочая, не включенная в другие группировки» (85.42.9), «Деятельность зрелищно-развлекательная прочая, не включенная в другие группировки» (93.29.9).

вопрос понятие «программы». Поэтому роль образовательной программы порой выполняет сам набор читаемых книг, преобладает скрытый учебный план, игровая форма взаимодействия, символически-знаковая маркировка участников, трактовка результата интерпретации текстов и учений как объекта авторского права. Информальные гуманитарные школы предпочитают воспроизводить сами себя: для получения статуса учителя школы нужно закончить это же «учебное заведение», преобладает недоверие к сторонним дипломам и общественно признанным формальным статусам. В РФ сегодня происходит либерализация индивидуального предпринимательства¹, которая сопровождается прекариатизацией интеллектуалов. Возможно, в будущем именно информальная образовательная креативная индустрия станет деятельностью многих из современных гуманитариев. А быть может вскоре будет организовано новое ведомство — «Министерство внеинституциональной науки и информального образования»?

Заключение

Если 1990-е в России напоминали эпоху эллинизма и Древнего Рима с развалом прежнего строя, общественной неразберихой, релятивизмом ценностей, то сказанное в настоящей статье о наблюдаемом сегодня взлете интеллектуальной культуры напоминает времена софистов. В наши дни очерчены рамки формального институционального образования, роль которого — сертификация специалистов для отраслей народного хозяйства. Сложилась область «профессиональной» философии: фундаментальные онтология и философия науки, дигитализированная, не связанная с риторикой логика, история философии, в которой формируется профессиональная идентичность философа, в том числе и философа-практика, происходит тренировка плюрализма, изучение философии по текстам с выработкой авторского ее понимания без навязанного предварительного мнения. Главным плодом философского дерева по-прежнему видится

практическая философия (этика), ценность которой значительно усилилась в современном мире на фоне вымывания философии из формального образования.

Формальное и информальное образование не должны перемешиваться²: формальное удостоверяется дипломом государственного образца, и о развлекательности, упрощении требований здесь речи быть не должно. Мы не должны на своих занятиях по философии полностью переключиться с академической программы на «*философствование*». Напротив, именно усвоение на должном вузовском уровне базовых философских *знаний* поможет возможному клиенту философского консультирования выбрать свою методiku поиска бытийственных альтернатив, если они ему понадобятся. Первое «взрослое» образование формирует мировоззрение, ведь любые образовательные стратегии до этого разбиваются о беззаботность детства. Поэтому первое образование должно быть достаточно фундаментальным, позволяющим, «отбросив все остальные дела», как будто на досуге «внимательно всматриваться» в природу вещей, как рекомендовал нам Пифагор [15, с. 325—326]. Профессиональная идентичность философа сформируется в образовании, прошедшем «экспертизу Пифагора», если позволит выработать навык неторопливого и тщательного изучения любого предмета, будь то музыковедение или физика. К сожалению, инновационизм и транзиторность постмодерна принципиально противоположны неторопливому духу философии, поэтому философия сегодня терпит неудачу в формальном образовании, которое включилось в инновационистскую гонку. Социальное время ускоряется, досуг становится непозволительной роскошью, возможность быть пифагорейским любителем приобретает характер социального вызова. На смену пятилетнему специалитету приходит четырехлетний бакалавриат. Первое образование утрачивает фундаментальность, а все последующие, а они в транзиторном мире императивны, просто ризомно примыкают к разомкнутой внеаходимой идентичности

¹ О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан (Татарстан): Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311977/, 15.07.2019, свободный. Удачный эксперимент распространен на всю территорию РФ с 01 июля 2020 г., философы-практики уже используют эти возможности.

² Позиция автора является дискуссионной в свете начавшейся тенденции модернизации образования, состоящей в расширении круга образовательных услуг в формальных образовательных организациях за счет так называемого «дополнительного образования». Совмещение в одной и той же организации силами одних и тех же профессионалов формального и информального принципов — это интересный вызов современным гуманитариям.

современника. Информальному философскому сектору придется найти баланс между формализацией, соответствием статусу «образования» при желании сертифицировать данные клиенту знания и либерализацией, когда, при главенстве духа хорошего любителя, мы можем растерять высокий академический уровень; между встраиванием в социализирующую стратегию быстрого приобретения навыков и разидентифицирующей стратегией альтернативной концептуализации; между соблазном откликнуться на зов интерпелляции, чтобы получить свой «барыш идентичности» [1, с. 94] и ускользанием от лояльных инновационизму форматов; между государственным контролем качества и государственной же необходимостью зарабатывать на налогах с деятельности «Системы Д». При этом произойдет ли снижение академического уровня в информальном философском секторе, зависит от самих участников формирующейся образовательной креативной индустрии.

1. Батлер Дж. Психика власти: теории субъекции. Харьков : ХЦГИ ; СПб. : Алетейя, 2002. 168 с.

2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 384с.

3. Борисов С. В., Гинзбург Л., Пеннер Р. В. Философская практика «на распутье»: итоги 15-й Международной конференции по философской практике (25—29 июня 2018 года, Мехико, Мексика) // Социум и власть. 2018. № 4 (72). С. 124—134.

4. Галанова Г. Э. Корпоративная солидарность научного сообщества в контексте реинституционализации гуманитарного знания // Теоретическое наследие казанской научной, философской, богословской мысли: компаративистские исследования «Восток — Запад» : сб. ст. Всерос. науч. семинара (Казань, 2012, 2014 гг.) Казань : КГАСУ, 2015. 157 с. С. 26—31.

5. Гончарук Н. П. Развитие интеллектуальной компетентности и профессиональной мобильности научно-педагогических кадров в условиях информационного общества. Казань : Изд-во МОиН РТ, 2011. 224 с.

6. Губогло М. Н. Религиозность, этничность, государственность // Этнопанорама, 2000. № 3. С. 2—11.

7. Гузельбаева Г. Я. Этничность, религиозность и миграции в современном Татарстане. Казань : Казан. ун-т, 2013. 268 с.

8. Джеймисон Ф. Постмодернизм или Культурная логика позднего капитализма. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2019. 808 с.

9. Зырянов С. Г., Лукин А. Н. Роль формальных и неформальных институтов в развитии гражданского общества // Социум и власть. 2020. № 2 (82). С. 7—18.

10. Кадочников Д. В. Свободное время: вызовы общества потребления и вопросы модернизации высшего образования // Социум и власть. 2019. № 6 (80). С. 28—38.

11. Лэш С. Постмодернизм как культурная парадигма // Контексты современности — I: актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2000. С. 83—87.

12. Мальцев Я. В. Современная философия и философия современности (пролегомены философии перманентности) // Социум и власть. 2018. № 4 (72). С. 90—99.

13. Мальцев Я. В. Субъект и реальное (попытка спасти картезианского субъекта от бессознательного) // Социум и власть. 2017. № 2 (64). С. 91—95.

14. Мальцев Я. В. Перманентная современность: социальный аспект // Социум и власть. 2016. № 4 (60). С. 14—22.

15. Цицерон Марк Туллий. Тускуланские беседы // Марк Туллий Цицерон. Избранные сочинения. М. : Художественная литература, 1975. 456 с.

16. Мэрифилд Э. Любитель. Искусство делать то, что любишь. М. : Ад Маргинем Пресс, 2018. 200 с.

17. Павлов А. В. Межцивилизационная эпоха: поколение выбора // Социум и власть. 2016. № 3. С. 17—24.

18. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М. : Ад Маргинем Пресс, 2014. 328 с.

19. Филатов Л. Б., Лункин Р. Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социс, 2005. № 6. С. 35—45.

20. Флорида Р. Креативный класс. Люди, которые меняют будущее. М. : Классика — XXI, 2011. 432 с.

21. Шалагина Г. Э. О постулировании смысла жизни в эпоху постмодерна: на границе этики, религии и психологии // Вестник экономики, права и социологии. 2015. № 3. С. 278—282.

References

1. Batler Dzh. (2002) Psikhika vlasti: teorii subektcii. Kharkov, KhTcGI6 SPb., Aleteiia, 168 p. [in Rus].

2. Bek U. (2000) *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu*. Moscow, Progress-Traditsiia, 384 p. [in Rus].
3. Borisov S.V., Ginzburg L., Penner R.V. (2018) *Sotcium i vlast*, no. 4 (72), pp. 124—134 [in Rus].
4. Galanova G.E. (2015) *Teoreticheskoe nasledie kazanskoi nauchnoi, filosofskoi, bogoslovskoi mysli: komparativistskie issledovaniia «Vostok — Zapad»*. Kazan, KGASU. 157 p., pp. 26—31 [in Rus].
5. Goncharuk N.P. (2011) *Razvitie intellektualnoi kompetentnosti i professionalnoi mobilnosti nauchno-pedagogicheskikh kadrov v usloviakh informatcionnogo obshchestva*. Kazan, Izdatel'stvo MOiN RT, 224 p. [in Rus].
6. Guboglo M.N. (2000) *Etnopanorama*, no. 3, pp. 2—11 [in Rus].
7. Guzelbaeva G.Ia. (2013) *Etnichnost, religioznost i migratsii v sovremennom Tatarstane*. Kazan — Kazanskij universitet, 268 p. [in Rus].
8. Dzheimison F. (2019) *Postmodernizm ili Kulturnaia logika pozdnego kapitalizma*. Moscow, Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 808 p. [in Rus].
9. Zyrianov S. G., Lukin A. N. (2020) *Sotcium i vlast*, no. 2 (82), pp. 7—18 [in Rus].
10. Kadochnikov D. V. (2019) *Sotcium i vlast*, no. 6 (80), pp. 28—38 [in Rus].
11. Lesh S. (2000) *Konteksty sovremennosti — I: aktualnye problemy obshchestva i kultury v zapadnoi sotcialnoi teorii*. Kazan, Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, pp. 83—87 [in Rus].
12. Maltcev Ya. V. (2018) *Sotcium i vlast*, no. 4 (72), pp. 90—99 [in Rus].
13. Maltcev Ya.V. (2017) *Sotcium i vlast*, no. 2 (64), pp. 91—95 [in Rus].
14. Maltcev Ya.V. (2016) *Sotcium i vlast*, no. 4 (60), pp. 14—22 [in Rus].
15. Mark Tullii Tciceron (1975) *Izbrannye sochineniia*. Moscow, Khudozhestvennaia literature, 456 p. [in Rus].
16. Merifild E. (2018) *Liubitel. Iskusstvo delat to, chto liubish*. Moscow, Ad Marginem Press, 200 p. [in Rus].
17. Pavlov A.V. (2016) *Sotcium i vlast*, no. 3, pp. 17—24. [in Rus].
18. Stending G. (2014) *Prekariat: novyi opasnyi klass*. Moscow, Ad Marginem Press, 328 p. [in Rus].
19. Filatov L.B., Lunkin R.N. (2005) *Sotsis*, no. 6, pp. 35—45 [in Rus].
20. Florida R. (2011) *Kreativnyi klass. Liudi, kotorye meniaiut budushchee*. Moscow, Klassika — XXI, 432 p. [in Rus].
21. Shalagina G.E. (2015) *Vestnik ekonomiki, prava i sotciologii*, no. 3, pp. 278—282 [in Rus].

For citing: Shalagina G.E. Non-institutional humanities, philosophical practice, informal education: the contours of the educational creative industry // *Socium i vlast'*. 2020. № 1 (87). P. 116—126. DOI: 10.22394/1996-0522-2021-1-116-126.

DOI 10.22394/1996-0522-2021-1-116-126

UDC 001.3, 001.92, 101.3, 316.74

NON-INSTITUTIONAL HUMANITIES, PHILOSOPHICAL PRACTICE, INFORMAL EDUCATION: THE CONTOURS OF THE EDUCATIONAL CREATIVE INDUSTRY

Gulnara E. Shalagina,

Kazan National Research Technological University,
Associate Professor of the Department
of Philosophy and History of Science,
Cand.Sc. (Philosophy), Associate Professor
The Russian Federation, 420015,
Kazan, ulitsa Karla Marxa, 68.
E-mail: galanova@rambler.ru

Abstract

Introduction. Non-institutional humanities, philosophical practice, and informal education are “a family like” phenomena that are outside the social institution of science and education and are adjacent to socio-cultural activities and social work. The purpose of the article is to outline the contours of the informal educational creative industry in the postmodern society, which combines non-institutional humanities, philosophical practice, and informal education.

Methods. The author uses the methods of autobiographical reflection, comparative analysis, empirical observation and analysis of the primary sources of non-institutional humanities.

Scientific novelty of the research. The transition to nonmaterial work of the postmodern era is the reason for the relevance of the area under study. The growing demand of a contemporary for such issues as the meaning of life, happiness, the growth of the precariat, the ousting of philosophy from formal education constitute a new social reality that determines the novelty of the research in the informal educational creative industry.

Results. The author classifies non-institutional humanities according to the spheres of its existence and the strategies of subject genesis presented in the teachings. The concept of dedifferentiation is considered as an explanation of the area under study in postmodernism. The specificity of the philosophical approach in the work of a practicing philosopher is considered.

Conclusions. The author connects the prospects of the informal educational creative industry with institutionalization in the way of leisure, entertainment, and other personal services. The author makes conclusions about the differences between formal and informal education, and indicates the risks and opportunities for the development of the informal philosophical sector.

Key concepts:

non-institutional humanities,
philosophical practice,
informal education,
informal educational creative industry,
dedifferentiation,
postmodernity.